

Стучка

Алексей Косарев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Косарев

Спичка

«Автор»

2026

Косарев А.

Спичка / А. Косарев — «Автор», 2026

«Спичка» — это не район на карте, это их мир, замкнутый в квадрате четырёх панелек. Здесь выросли Лёша, Миша, Егор и Рома. Детство — в голодных девяностых, юность — в нулевых, зрелость — сейчас. Они дружили — так, как умеют дружить только в тесном дворе, где все секреты слышны через стены, а предательство пахнет гарью. Взрослели, разъезжались. Но один невозвращённый долг перечеркивает всё. И тому, кто уехал, придётся вернуться. Назад в старую панельку. Назад к друзьям. Назад к вопросам, от которых он бежал десять лет. Это жёсткий поколенческий роман. О дружбе, в которой нет святости. О том, что корни держат крепче якорей. И о том, что даже в самой серой пятиэтажке можно сохранить искру — или сгореть дотла.

© Косарев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре пятиэтажки	5
Глава 2. Агата Кристи	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алексей Косарев

Спичка

Глава 1. Четыре пятиэтажки

Я хотел, чтобы о нас услышали. Потому что такие районы, как наши, редко попадают в литературу иначе как в роли пугала.

Наш двор по периметру был окружен четырьмя пятиэтажками, и в нашем городе я больше не встречал подобных архитектурных решений. Вероятно, причиной тому являлось расположение домов между двух улиц, а не по двум сторонам одной дороги, как это часто бывает. Именно это и дало возможность построить две панельки перпендикулярно проходящим улицам. Дома эти были наследием только—только прекратившей своё существование великой державы: в 70—х их строили рабочие завода, располагающегося по соседству, по так называемому «хозяйственному способу строительства жилья». Помимо пятиэтажек в наследство нам достались бетонные верблюды, служившие качелями, заасфальтированная, но уже обветшавшая футбольная площадка, россыпь различных турников, брусьев и железных лесенок, а также огромное количество деревьев: клёны, дубы, тополя, яблони, рябины. С торца одного из домов была огромная песочница, вернее сказать — кучи песка, в которых кошки постоянно закапывают свои грязные дела.

Всё это было очень похоже на замкнутую экосистему: здесь циркулировали свои запахи, свои звуки, свои законы. Чужаки сюда почти не заходили — двор был проходным лишь формально. Его использовали лишь те, кто жил здесь, остальные старались обойти его по внешнему периметру.

Жизнь кипела в нашем дворе: на веревках между столбами (доставшимися всё так же по наследству) женщины вывешивали сушиться белье, на голубятне, расположенной за одним из домов, кипели горячие споры между птицами и людьми. Футбольные баталии здесь заканчивались лишь по наступлению абсолютной темноты, а из открытых окон часто звучала музыка: «Ласковый май» сменялся «Сектором газа», а на него уже накладывался «Наутилус» — его, кажется, тогда любили больше всего. В девяностых здесь верили, что жизнь наладится — не завтра, так через год, не через год, так к двухтысячному.

Семьи здесь жили разные: заводчан было большинство, но новая страна ввела понятие «свободный рынок», и квартиры начали переходить между людьми по наследству, за деньги или с помощью различных «мутных» дел.

В одном из этих домов и жила моя семья: папа, мама и я, в то время ещё детсадовец. Отец работал посменно на заводе электриком (хоть сам он это и произносил не иначе как «электромонтер»), а в свободное время изучал различную компьютерную технику, которая тогда только появлялась в наших краях. *Как правило, это была чужая аппаратура, которую приносили отцу на ремонт. Сами мы довольствовались поддержанным ZX Spectrum — хорошие компьютеры стоили больших денег.* Мама работала на том же заводе в компрессорной, чем она там занималась я не знаю и по сей день. В свободное время (а было ли оно у неё?) она слушала песни Булановой, смотрела «Сто к одному» и читала детективы.

Семью нашу называли «приличной»: родители не бросали работу несмотря на огромные задержки в выплате заработной платы («получки»), летом мы ездили на «фазенду» (шесть соток концентрированных страданий с небольшим сарайчиком) на верном зелёном москвичёнке, да и самогон не гнали.

В соседнем подъезде проживал мой друг Миша: достаточно крупный для своих лет, громкий, смешливый. Жил он с бабушкой и дедушкой —хорошими людьми, пусть и неготовыми к реалиям «нового времени». Мать Миши жила в Москве и «искала себя» — именно так говорила его бабушка с такой интонацией, что всем становилось ясно— ищет себя она уже давно, и вряд ли найдёт. Отец Миши приезжал раз в полгода на денёк. Бабушка с дедушкой не скрывая недолюбливали его, и я никогда не понимал за что: он всегда привозил подарки для Миши, рассказывал шутки, обнимал сына и уезжал. Мой друг любил его, но не скучал. Он вообще не умел скучать.

В доме напротив, на пятом этаже, жил Егор со своей мамой и бабушкой. Отца не было – и это не обсуждалось. Мать работала на двух работах и приходила затемно, а бабушка днём занималась развитием ребенка: водила его на спортивные секции и на занятия на «Станцию юных техников», но спорт Егор любил больше, чем собирать самолетики из палочки от эскимо и бумажного листа. Во дворе он не появлялся— не отпускали, да и сам он особо не рвался. Мы с Мишей неоднократно встречали его идущего с бабушкой, но никогда не заговаривали, а в детский сад с нами он не ходил. Но все изменилось чуть позже, в школе.

В одном из домов была квартира, в которой долгое время никто не задерживался: переезжали в другой город, попадали в больницу и не возвращались, использовали как склад. *Никто не удивлялся, когда оттуда съезжали, и никто не удивлялся, когда туда въезжали новые жильцы.* Позже, сюда переедет семья из Молдавии, а с ними мальчик Рома. Квартира, наконец—то, обретет долгосрочных владельцев. А пока она стояла пустая, и мы, пацаны, гадали: кто въедет? Может, спортсмен? Может, бандит?

Через пару дворов от нашего располагался старый кинотеатр «Спартак», который достался нам «по наследству», как и всё остальное. В нём показывали «Терминатор 2», «Человек—невидимка» и, конечно же, «Жандарм и инопланетяне». Несмотря на небольшой выбор, зрителей хватало: других развлечений было не так много.

Сразу за кинотеатром, на стыке двух улиц был стихийный рынок, который называли «пяточок» или просто «пятак». Здесь уже можно было встретить «новую кровь»: тех, кто верил в рынок, а не труд, что давало контраст с нашим «староукладным» двором. И мы, дети, — мы росли на стыке двух этих миров, впитывая отовсюду понемногу, сами того не замечая.

Скоро кинотеатр перестанет набирать даже пару зрителей, и его передадут под спортшолу, а «пяточок» облагородят и превратят в организованный мини—рынок, но это позже.

А пока— пока я донашивал кроссовки за каким—то дальним родственником, смотрел на россыпи разноцветных брелоков на «пяточке», мечтая, что у меня будет много денег, и всех их куплю, слушал из открытого окна «Белые розы», «Я хочу быть с тобой» и даже «**Highway to Hell**».

Важным было лишь то, что Миша скоро доест обед и выйдет во двор. И именно здесь стартует наша история.

Глава 2. Агата Кристи

Стояла поздняя весна, уже даже начала появляться листва. Несмотря на выходной день, во дворе было пусто: люди, успевшие получить земельные участки от завода до развала Союза, уехали на «картошку»; оставшиеся мужчины ещё утром побрели в гаражный кооператив заниматься своими делами, а у их жён были неотложные хлопоты по дому. Я и сам избежал трудовой повинности на «фазенде» лишь благодаря очередному компьютеру, который принесли отцу на ремонт.

— Да я тебя уже заждался, толстяк! — обрадовался я, когда Миша наконец—то вышел во двор. — Ушли одновременно, а вернулся я гораздо быстрее!

— Бабушка говорит, что по тебе видно, что ты не ешь ничего! — ответил он — не обиделся, а просто констатировал факт, как врач.

— Ладно, толстый, я тебя прощаю. — Я не прекращал улыбаться.

— Кто обзывается, тот сам так называется! — отбил он заученной фразой и тут же перешёл к делу: — Пошли до Пятачка носом поводим?

Вторую фразу он сказал гораздо тише: хоть мы и должны были пойти в школу уже в этом году, наша самостоятельность ещё не была признана на высшем уровне. Отходить далеко от двора запрещалось — в любой момент могли позвать, высунувшись из окна. И тогда — конец. Спят. Больше не выпускают.

Я быстро прикинул риски. Родители заняты — отец с паяльником над чужим компьютером, мать на кухне с детективом. Если вернуться через час — никто не хватится. Время было.

— Пошли. Только быстро.

Мы выскользнули из нашего двора. Маршрут был известный: вдоль ателье, затем детской поликлиники со страшными пластиковыми игрушками на подоконниках, мимо «Колизея», где афиша «Дискотеки кому за 30» уже выцвела на солнце до состояния призрака, и вот он — Пятачок.

«Развал» был чертовским шумным: сюда стекались люди со всего района и велась бойкая торговля. Вернее сказать, шёл жесткий «торг» — у людей было немного денег, поэтому торговаться они могли очень долго. Витринам здесь служили раскладные столики, капоты автомобилей и даже газеты, расстеленные прямо на земле. Два армянина продавали овощи прямо из кузова ЗИЛа.

Мы бродили между рядами. Ненадолго задержались около прилавка с игрушками, яркими, но хрупкими, как всё, что привозили из Китая.

— Чего уставились? — спросил продавец. Это был мужик с золотым зубом и лицом человека, который не привык к тому, что дети просто смотрят. — Деньги есть — бери. А нет — не отпугивай покупателей.

Денег у нас не было, и мы отправились дальше. Следующая наша остановка состоялась у капота «двойки». Он был укрыт покрывалом (подобными застилались наши кровати в детском саду), а на нём уже были выложены ряды аудиокассет.

— Так, пацаны, хотите смотреть — смотрите, но доверия к вам никакого, поэтому шаг назад и любуйтесь сколько пожелаете, — дал нам инструкцию парень, который, по всей вероятности, был хозяином этой «торговой точки». Это было высшим проявлением клиентоориентированности того времени, только слова мы такого не знали, поэтому просто навесили на торговца кассетами ярлык «классный мужик».

Я читал надписи на кассетах: некоторые из них были в прозрачных пластиковых футлярах с надписями и картинками, другие же лежали в коробке, переложенные бумажками с подписями, как в библиотечной картотеке. Читать я научился достаточно рано: просто родителям

надоела моя вечная просьба прочесть мне книгу, поэтому мог прочесть названия кассет. Миша же умел читать плохо, а картинок здесь было немного, и ему быстро наскучило:

— Пойдём уже во двор, а то вдруг дед из гаража пойдёт.

И мы двинули обратно.

— Там на одной кассете было написано «Агата Кристи», у нас дома книжка есть на которой так же написано, — делился я с другом по дороге во двор, — интересно как это связано?

— Ну может там на кассете кто—то книжку вслух читает, — предположил Миша.

— Да ты чего? Зачем это надо кому—то если можно самому сесть и почитать.

— Ну мне, например, я вот читать не люблю, — мой друг сразу нашел выход, — хотя и слушать мне это не хочется. Название не очень: «Кристи» — это, наверное, что—то про игру в карты. Никаких динозавров или инопланетян, — на финале фразы Миша кивнул на кинотеатр, мимо которого мы проходили.

Я не ответил. Я всё ещё думал о той кассете. «Агата Кристи». Если это не карты, то что? Может, какая—то женщина? И почему её имя написано на кассете, как на книжке? Странно. Но интересно.

— Слышь, Лёх, — Миша дёрнул меня за рукав, — а давай завтра опять ходим? Только с деньгами.

— Где ты деньги возьмёшь?

— У деда спрошу. Он добрый. Скажу — на жвачку.

— И он даст?

— Ну, если грустное лицо сделать — даст.

Я прикинул: дед у Миши действительно добрый. И если сделать грустное лицо, то шансы есть. Но на жвачку денег дадут ровно на жвачку. А на брелок — уже нет. На кассету — тем более. Значит, нужен другой способ.

— Ладно, — сказал я. — Завтра решим.

Мы дошли до арки. Двор встретил нас тишиной. Никто не кричал из окон. Никто не спалил. Я выдохнул. Всё обошлось.

На лавочке у подъезда сидела соседка, тётя Зина, и лузгала семечки. Она посмотрела на нас с подозрением — как смотрела на всё, что двигалось.

— И где вас носило? — спросила она без особого интереса.

— У будки сидели, — соврал я, имея в виду трансформаторную будку за одним из домов.

— Ну—ну. — Она сплюнула шелуху. — Смотрите у меня. Будка — она для тока, а не для игр. Дёрнет — и нет пацанов.

— Не дёрнет, — сказал Миша. — Она гудит, но не дёргает.

— Гудит — значит, работает. А работает — значит, опасная. Всё, брысь отсюда.

Мы не стали спорить. Тётя Зина была вредной, но не злой. Просто ей было скучно. Взрослым вообще часто бывает скучно — я это уже начинал понимать.

А через два месяца наступил наш выпускной из детского сада. Правда, это называлось «утренник», хоть и проводили его после обеда — видимо, никто из взрослых не увидел одинаковый корень со словом «утро». Взрослые вообще часто неверно истолковывают слова, или применяют странные фразочки. Например, про ведущих беседу людей они говорят «лясы точат». Я очень долго пытался найти у себя эти самые лясы, но в предполагаемом месте их нахождения оказались, если верить моим родителям, скулы. Но вернемся к утреннику.

После обеда мы порепетировали свои номера в группе, а затем нас отвели в зал, служащий для музыкальных занятий. Именно здесь мы много раз пели песню про мальчишек, что уходят в бой в солдатском строю. Песня эта мне очень нравилась, она была одной из немногих величественных вещей, окружавших нас в ту пору.

В музыкальном зале пахло хлоркой и детсадовской столовой. Спустя тридцать лет хлорка куда—то исчезла, а вот запах столовой до сих пор пронизывает все дошкольные учреждения

нашей страны. Родители сидели на расписанных хохломой детских стульчиках, расставленных в три ряда, и лица их были радостными. Увидеть радостными сразу несколько человек было в то время редкостью.

Первым номером был танец девчонок, который они репетировали целых два месяца. За время репетиций все незамысловатые движения были выучены и мальчишками, поэтому прямо во время исполнения номера Миша со своего места повторял танец чуть ли не лучше самих маленьких танцовщиц, а учитывая его немаленькие габариты можно сказать, что внимания ему доставалось ничуть не меньше.

Затем мы читали стихи. Я рассказал тот, в котором призывал школу встречать «активиста, заводилу и артиста». Что такое «активиста» я не знал, но слышал это от Шварценеггера в фильме про роботов, который однажды вечером выходного дня крутили по телеку. Фильм мне очень понравился— там было вообще всё! И роботы, и драки, стрельба, взрывы. А ещё у главного героя в двенадцать лет был мотоцикл, и мне стало казаться, что он у меня тоже появится, осталось лишь подождать пяток лет. В общем очень даже хорошо, что в тот день на улицу поливал ливень, и мы не пошли гулять во двор.

После всех заготовленных номеров одна из воспитательниц произнесла напутственные слова про то, что мы сделали важный шаг в большую жизнь, и школьная жизнь наша начнётся очень скоро и будет ещё более яркой. А ещё про то, что мы не должны бояться трудностей, быть сильными и смелыми.

—А сейчас у вас состоится небольшое чаепитие! – закончила она свою речь. Никак не могу вспомнить её имя, кажется, Вера Петровна.

—Ура!!! – Миша вскочил со стула и побежал к бабушке – Сейчас песни петь будем! – обрадовался он, и немедленно начал исполнение:

А мы ему по жопе чайником,

И научим танцевать!

Но тут же выхватил от бабули по заднице и объяснился:

—Ну, а что? Это народная! Я её по радио у деда слышал!

Я всё ещё сидел на своем месте и мечтал провалиться сквозь пол, прямо в подвал, к трубам. Щекам было горячо. А вот Мише было не стыдно, ему было весело. Он вообще редко понимал, что можно, а что нельзя.

После чаепития нам всем выдали подарки (одинаковые рюкзаки с зайцем, сделанные из материала, похожего на клеенку) и мы отправились по домам.

По телевизору вечером не было ничего интересного, лишь новости про какие—то там столкновения. Поэтому я покрутил в руках отцовскую бензиновую зажигалку с Лениным, полистал книжку и отправился спать. Но заснуть так и не удалось: до школы оставалось не так долго, а я всё ещё не знал кем хочу стать, когда вырасту, как же я буду учиться если не знаю, что мне пригодится в будущей профессии? Мише было проще: он всегда говорил, что станет сварщиком, ведь ему дед по секрету сообщил, что без «толкового сварщика ничего не делается». А для этого ему нужно научиться лишь читать чертежи, но и с этим проблем не будет— дед обещал научить, когда Миша немного подрастёт.

И я решил: мне захотелось быть продавцом брелков или аудиокассет, но лучше именно аудиокассет— так всегда можно будет вечером дома послушать что—то новенькое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.